

Она подхватила железные клещи, оброненные приспешником на землю.

— Зови ещё одного. Они не местные, сейчас здесь остались только мальчишки одного с тобой возраста, они нам не соперники. Отсюда недалеко до Цинчэна, я знаю горные тропы. Как только выберемся из двора, им нас не поймать.

Ван Цисы пришел в возбуждение и, потирая руки, ответил:

— Хорошо.

Он во всю глотку закричал, время от времени переходя на жалобные стоны.

Люди во дворе слышали шум. Послышалась брань, и двое подростков направились к сараю.

Всё шло не по плану.

Ван Сифэн задрожал от страха, сердце, казалось, вот-вот выскочит из горла. Он теребил рукав и тревожно спросил:

— Что же нам делать?

Линь Чаогэ вглядывалась в сумрачный двор, где плясали отблески костра. Она крепко сжала железные клещи, прикрыв глаза, чтобы скрыть промелькнувший в них холодный блеск, и процедила сквозь зубы:

— Пришли двое — и ладно. Как раз разделаемся с обоими разом, меньше будет хлопот.

Она передала клещи Ван Сифэну и успокаивающе прошептала:

— Брат Ван Сифэн, из нас двоих они единственные, кого не посмеют покалечить, — это тебя. Если мы не сможем сбежать, в худшем случае нас просто побьют. А если победим — сразу сможем вернуться домой.

Победителей не судят. Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Раз уж дело дошло до такого, вместо того чтобы сидеть сложа руки и ждать, пока семья Ван начнет поиски, почему бы не рискнуть и не попытаться вырвать шанс на спасение?

Ван Сифэн замер, и вдруг его осенило. Действительно, у противника осталось всего несколько таких же мальчишек, как они сами. Если удастся победить — они выберутся, если нет — останутся в плену. Раз так, почему бы не пойти ва-банк?

Он собрался с духом. Кровь ударила в голову, он забыл о своих ранах, крепко сжал клещи и сказал:

— Я понял.

— Я возьму на себя того, что повыше. Ты ни о чем не думай, просто бей другого прямо по лицу. Бей изо всех сил, что бы ни случилось — не останавливайся.

— Хорошо.

Ван Сифэн ответил, но, вспомнив, что нельзя шуметь, тут же замолчал, сохраняя серьезное выражение на своем бледном красивом лице.

Двое пришедших были осторожнее того, первого. Сначала они приоткрыли дверь, чтобы осмотреться, и, увидев лежащих на полу двоих, недоверчиво переглянулись, прежде чем переступить порог.

Линь Чаогэ, притаившаяся за дверью, под прикрытием темноты бесшумно приблизилась. Раздался глухой удар: Линь Чаогэ с размаху огрела высокого парня по затылку толстой влажной дубиной.

Тот опешил, схватился за голову и пошатнулся, но не упал. Его глаза налились кровью, он с недоверием уставился на подростка, совершившего внезапное нападение.

Линь Чаогэ не колебалась ни секунды. Дубина посыпалась на высокого градом ударов — она была туда, где больнее всего, не проявляя ни капли жалости. Сила ударов была такой, что у самой руки, сжимавшие дерево, начали неметь.

В то же время Ван Сифэн, вскинув клещи, бросился вперед и принялся охаживать низкого парня, целясь исключительно в лицо.

С глухим стуком высокий наконец рухнул на землю.

Линь Чаогэ сменила направление и обрушила дубину на того, кто боролся с Ван Сифэном.

Теперь их было двое против одного. К тому же Линь Чаогэ обладала недюжинной природной силой, а её удары были точными, жестокими и решительными. Низкий парень дернулся пару раз и тоже затих.

У костра в главном доме последний подросток, услышав шум в сарае, злобно оскалился, схватил кухонный нож и бросился на помощь.

Ван Сифэн, выплескивая накопившуюся обиду и гнев, не удержался и добавил каждому из поверженных по паре крепких ударов, а затем помог Линь Чаогэ связать их. Он отряхнул руки, выдохнул тяжелый воздух и сказал:

— Готово, уходим.